

№ 6 (март 1992)
Александров И.

ПО РАНЖИРУ ИСКУССТВА

ИГОРЬ АГАФОННИКОВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ "МО"

— Игорь Германович, 22 года вы были хормейстером Большого театра, 7 лет руководили Государственным академическим русским хором, и в 1987 году вы вдруг стали художественным руководителем Дважды Краснознаменного ордена Красной Звезды академического ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А.В. Александрова. Чем был продиктован этот шаг?

— В Капелле надо мной все время как бы "нависала" тень покойного Свешникова. Когда я пытался провести свою линию в хоре, на меня иногда обижались — мол какое право я имею посягать на такого гиганта как Свешников. Тем не менее сейчас меня в Капелле вспоминают добрым словом. Мы много с ними тогда сделали. Я старался брать произведения, которые не пели другие коллективы — чтобы не повторяться и обрести свое собственное лицо.

Мне очень повезло, в Большом театре — своя школа, Свешниковском хоре — совершенно другая. В Большом — один стиль работы, в Свешниковском — иной. И оба они совместились в Ансамбле куда меня пригласил Борис Александрович Александров.

Мне близко такое синтетическое искусство — в нем есть что-то от театра: здесь и балет, и оркестр, и первоклассный хор...

И потому: я люблю мужской хор, мне интересно с ним, хотя он труднее, чем женский, по тембровому качеству.

Так что я пошел в Ансамбль с удовольствием, причем не ставя никаких условий. Меня это увлекло и до сих пор я работаю с увлечением.

— Но вы ушли практически из одной музыки в другую, из одного репертуара в другой, из академической культуры в военную, в то время, в определенной степени закрытую от гражданской музыкальной жизни.

— Дело в том, что эта "военная специфика" была навязана ансамблю в 60-е и 70-е годы. Посмотрите его старые программы — концерт начинался, как положено, с кантаты о Сталине, потом звучала какая-нибудь военная песня, а затем — куплеты Мефистофеля, "Элегия" Массне, хоры сцены, народная музыка, "Серенада" Абта, "Эхо" Орландо Лассо. Это музыка хорошего качества. А потом сказали: давайте строевые песни. Ах вы хотите "Сороковые-роковые" на слова Давида Самойлова? — Нельзя! Только "ура - ура" о войне.

Сейчас же мы поем фрагменты из "Литургии" Рахманинова в оригинальной тональности, хор из оперы Верди "Набукко", "Лакримузу" Моцарта, сцену стрельцов "Батя, батя выйди к нам!" из "Хованщины", Финал Девятой симфонии Бетховена. Не отказываемся и от современных хороших песен. Но хорошие сегодня встречаются все реже и реже.

Я считаю, что мы возвращаемся к тому лучшему, что было в Ансамбле раньше.

— Известно, что за рубежом вы пользуетесь большим успехом. Для них это интересное искусство или советская экзотика, символ Советов?

— Конечно, за рубежом военная форма играет определенную роль. Представьте: открывается занавес, яркий свет, два флага: СССР (теперь России) и флаг страны, где мы выступаем. Мы начинаем концерт с гимнов двух стран. В США писали: "Кто еще не слышал, как надо исполнять гимн США, зайдите на концерт александровцев и послушайте, как он звучит под аккомпанемент балалаек и баянов — тогда узнаете, что такое гимн".

Но случается, что военная форма мешает. В одной из газет рецензент писал, что во время концерта он чувствовал давящую на него силу советского оружия.

Иногда спрашивают: "Как вы можете петь классику в военной форме?" И я даже думал: "А может, действительно, одно отделение петь во фраках?" Но дело все же не в форме, а в качестве, в уровне художественного мастерства, разнообразии про-

грамм. Мы стараемся строить программу по нарастающей. Песня, романсы, классическая музыка, танцы — военные и фольклорные — солисты, хор, балет, все это создает эффектный концертный спектакль. Очень часто, кстати, отмечалось, что любой слушатель, пришедший на наш концерт, может найти для себя что-то по душе.

— Есть ли за рубежом ансамбли, похожие на ваш?

— "Мерку" с нас сняли в бывших странах народной демократии. В Венгрии, например, военный ансамбль выступает в штатском, их оркестр исполняет даже симфонии. Польский военный ансамбль поет старые патристические песни начиная со "времен царя Гороха" и кончая Пилсудским. В других странах существуют лишь военные оркестры. После наших гастролей в Турции там, кажется, заинтересовались, и может быть создадут что-то подобное Александровскому.

— А как наши ансамбли, копируют вас?

— В каждом округе есть свой ансамбль, флоты, рода войск тоже имеют свои ансамбли. Всего их около 30-ти. Конечно, начинали они с копирования, но у нас разные составы. Да и наша профессиональная оснащенность, не позволяя им "бороться с нами в честном бою".

— Что такое музыкальная культура в Армии и каково положение с ней?

— Музыка всегда была составной частью армейской жизни — как форма, как честь, как кокарда, как устав. Рекрутские песни петровских времен, песни белой армии, Великой Отечественной песни, Афганские песни. Но постепенно это исчезает, а ведь были времена, когда Александров увозил из частей музыкальный материал. Кстати, однажды я спросил у молодого парня, демобилизовавшегося из армии, что ему хотелось бы слышать в исполнении ансамбля, что ему интересно? Он ответил: "Интересно все, чего нет на службе".

Музыкальная культура в армии — также как и в стране — находится не в лучшем состоянии. В тяжелое время войны с передовой отзывались солдат, владеющих музыкальными инструментами, и создавали ансамбли. Тогда, в экстремальных условиях, понимали, что о таком искусстве и к а к оно необходимо. А потом потихонечку разогнали полковые оркестры — а они ведь не только служили армии, но и играли в городских парках, на танцплощадках. Теперь все это заглохло. Да и о какой самостоятельности в частях можно говорить, когда такое в армии творится. Специалистов нет, командирам — серым в культурном отношении — не до искусства? Песни в армии не рождаются уже давно, за исключением экстремальных условий Афганистана. Да разве можно писать и петь, если в душе ничего нет — дыра?

— Ваш ансамбль представляет армию в искусстве или искусство в армии?

— Я бы хотел, чтобы он представлял искусство в армии. Как военный ансамбль, мы должны обслуживать войска. Это наша первоначальная задача, но мы участвуем и в филармонической концертной жизни. Ансамбль давно уже перерос рамки армии. И о нем говорят иногда, как о самостоятельной музыкальной единице, равной Маринке и Большому.

Я ведь уже говорил о репертуаре — мы должны жить по законам искусства и потому исполняем "Попугая" Глинки, "Хоры из "Бориса Годунова" Мусоргского, кантату "Москва" Чайковского. Но мы исполняем и "Соловьи" Соловьева-Седого, и "Смулянку" Блантера, "Самовары-самопалы" Новикова. Не думаю, что в связи с этим мы куда-то падаем.

Сейчас мы обращаемся к истории и берем в репертуар произведения пет-

ровских времен. Появились сборники солдатских песен (выпущены они, кстати, не у нас, а в США), там есть, скажем, песни лейб-гвардии Преображенского полка. Да и песня "По долинам и по взгорьям" — это тоже обработка песни какого-то полка, из репертуара полковых песен.

В Союзе у нас ни один концерт не проваливался. Другое дело — есть публика, или ее мало. На последнем концерте в Большом театре нам аплодировали стоя.

А каждая наша командировка в округ — обуза для местного начальства: принимать нас, размещать, собирать слушателей. Например, в Одесском округе на шефском концерте — треть зала. А на следующий день в Одесском оперном театре на платном концерте — полный зал. Так что иногда мы на филармонических концертах отводим душу: когда полный зал, артисты приятно работать.

— Зависит ли от вас что-либо в музыкальной политике в Армии? Да и есть ли вообще какая-то политика в Армии в этой области? Вырабатывается ли она кем-то?

— Не знаю, вырабатывает ли ее кто-нибудь. По-моему они уже упускают даже то, что есть.

— Распространяется ли плохое отношение к армии на вас?

— В августе мы участвовали в концерте у Белого дома. И когда мы вышли, толпа освистала нас. И лишь после того, как мы вместе с Лещенко исполнили "День победы", нас проводили аплодисментами. Но когда пели классические произведения — свист стоял невообразимый. Конечно, отношение к армии влияет и на нас. Сейчас это положение меняется. Хотя, я думаю, что и в августовских событиях армия не виновата и сделала много для того, чтобы не случилось худшего.

— Дирижер — руководитель любого музыкального коллектива — как правило диктатор. И это нормально. Но вы еще имеете и дополнительную власть, вы старше по званию...

— Главное для меня — контакты творческие. У меня хорошие помощники: дирижер оркестра — В. Коробко, главный хормейстер — В. Федоров, концертмейстер — В. Огарков. Они мои друзья по искусству. Конечно, все приводится в движение одним человеком, но двигаться надо всем вместе. Главное для меня — творческие отношения, да и человек я не очень-то военный.

— Кто работает в Ансамбле?

— Только профессионалы. Танцуют ребята, закончившие хореографические училища, студию Моисеева. Поют музыканты со средним, и с высшим образованием. Инструменталисты, как правило, с высшим образованием. Много музыкантов-лауреатов международных и республиканских конкурсов. Наш ансамбль — единственный профессиональный в армии. Мы — артисты в военной форме.

— У вас в основном поют гражданские, представляющие армию. Не похоже ли это на своего рода маскарад? Вы ведь ищите музыкантов не в пределах армии?

— Да, раньше Александров набирал ансамбль из самоучек. Сам он был регентом, регентовал в Храме Христа Спасителя. Кто-то сказал, что голоса надо искать на воле, а не в Москве. Но где там сейчас искать таланты при современном уровне самостоятельности! Да и как я "с воли" возьму, если не могу квартирой обеспечить?

— Что ж, выходит гражданские создают музыкальный имидж армии?

— Так оно было всегда. Александров был регентом, авиаконструкторы Туполев и Илюшин тоже были гражданскими людьми. Армию создают гражданские. Но главное, не надо обособливать армию от народа.

— Хотелось бы затронуть еще одну

трудную тему — музыкант и служба в Армии. Я имею в виду студентов — молодых музыкантов и срочную службу. Ведь многие теряют квалификацию, если не сказать больше.

— Это растратирование и денег, и талантов. Не случайно сейчас идет речь о профессиональной армии. Люди должны идти в армию, зная куда идут, за что и зачем. Был ведь указ о том, чтобы не брать на срочную студентов, — а Язов отменил его под предлогом повышения интеллектуального уровня армии. Но это же бред. И уж ни в коем случае нельзя виолончелиста заставлять копать ямы или чистить клозеты. Нельзя бросаться талантами. Помню, один военный сказал мне, что генералов у нас много, а талантливых музыкантов мало.

— А можете ли вы повлиять на эту ситуацию?

— Повлиять, изменить не могу. Но высказать свое мнение, свое отношение к этому вопросу могу, конечно. И высказываю.

— Много ли у вас зарубежных предложений?

— Достаточно, но проблем тоже хватает. Контракты за нас подписывало управление культуры Министерства обороны. Нас, скажем, просили подписать контракт в январе, а пока бумажка в министерстве обороны перешла со стола на стол и дошла до министра обороны, было уже поздно. Мы потеряли так не один гастроль.

Есть и другие проблемы. Вот перед мной афиша зарубежных гастролей ансамбля ПВО, руководимого С. Назарко. Здесь написано: "Хор и танцы Красной армии. Ансамбль оригинальный, созданный Борисом Александровым". Кто дал право Назарко называться ансамблем Красной армии, созданным Александровым? Или — зарубежная афиша ансамбля "Красная звезда". На ней тоже наши фамилии: Мальцев и Агафонников. Вот с чем нам приходится бороться.

Но самое страшное, что эти коллективы сбивают рыночную цену гастролей. Вообще гонорары всех наших музыкальных коллективов за рубежом не высоки. И если мы добиваемся, чтобы наш концерт стоил 15.000 долларов, то другие коллективы едут, соглашаясь на самые низкие гонорары. А после их гастролей зарубежные импресарио говорят, что уровень нашего армейского искусства падает.

— Известно, что на службу не напрашиваются, от службы не отказываются. Вы полковник, над вами генералы — приказывают ли вам что-то?

— С точки зрения художественных задач, репертуара нам никто и ничего не приказывает. Могут приказать: надо ехать обслуживать, скажем, Забайкальский военный округ. Это мы обязаны делать. Но мешают организационно-административные пути, не дающие нам развернуться.

— Как вы будете дальше жить и развиваться, когда сокращается армия, когда идет конверсия?

— Сейчас и от нас уходят артисты. Людям тоже надо зарабатывать деньги. Недавно ушли два великопеленых певца. Одному нужна была квартира. Два года он жил в гостинице ЦДСА — мы же не можем предоставить ему квартиру. За два года ушло 16 высококвалифицированных специалистов. По штату в балете должно быть 50 человек — фактически 36, в хоре должно быть 80, а сейчас 72.

Если мы не будем выезжать за рубеж, все разбежится. Уже уехал солист-кларнетист по контракту за рубеж, трубач ушел в оркестр Федосеева, у меня он имел 550, а там получил сразу — 1200. Нам же платят зарплаты по военным ставкам: в армии сейчас денег мало.

Я не могу дать гарантии, что сокращение не коснется нашего коллектива. Мне могут сказать: "Сколько

там у вас человек — 200? Сократите-ка до 120-ти". Но вы сами понимаете, что это невозможно. И придется ходить, обивать пороги кабинетов. Благо среди военачальников есть люди, которые любят наш ансамбль. А вот что будет с окружными ансамблями — не знаю... Всегда под сокращение попадают пешки, а не генералитет.

Уже сейчас коллектив стал меньше количественно. Может, это выгодно, на руку нашему начальству. Но искусству от этого не лучше. Коллектив может исчезнуть. Я не смогу удерживать артистов на такой зарплате, если они видят, к примеру, сколько получает уборщица в метро. Зарплаты у нас выросли, но цены растут быстрее. Мы все равно сейчас меньше получаем, чем многие гражданские музыкальные коллективы. И, кажется, у командования душа за это не болит. Наверное потому, что люди заняты больше собой или сохранением тех единиц, которые нужны командному составу. А к искусству, как было "остаточное" отношение, так и осталось.

Недавно к нам приходил один наш руководитель из управления культуры и сказал, что мы по-прежнему в полном их подчинении и ни шагу без них. А мы хотим иметь экономическую самостоятельность.

Проблем масса: у нас нет своего помещения, негде печатать партии. Счет рублевый у нас есть, но необходим и валютный счет, право самостоятельно заключать контракты с зарубежными импресарио. Мы стоим Министерству обороны 2,5 миллиона рублей в год. Но мы можем большую часть денег вернуть, заработав валюту.

На заработанные деньги мы смогли бы покупать инструменты, построить, переоборудовать себе здание. Думаю, что здесь просто амбиции — не пущать, и все. Язов однажды сказал нам: "Мне наплевать, что вас любят в Америке, мне важно, чтобы вас любили солдаты советской армии".

План по войскам мы будем выполнять, а остальное время должно быть в нашем распоряжении. Мы должны быть творческой единицей, не зависящей от министерства обороны, а как бы примыкающей к нему. Главная проблема сохранить Ансамбль. Но если нам не дадут возможности раскрепоститься экономически, то мы долго не продержимся.

Нас не нужно контролировать, а помощь элементарная нужна — в оформлении документов, в предоставлении самолета, за деньги конечно. А сейчас мы гастроль делаем через различные фирмы.

Мы хотим подчиняться только в творческом плане — работать на армию, давать концерты, но мы хотим быть добрыми партнерами. Хотим, чтобы творческий коллектив оставался творческим — с военной принадлежностью. Но дайте нам возможность вздохнуть свободно, чтобы экономические вопросы могли решать сами. И мы принесем пользу и армии, и искусству. Это и будет конверсия.

Беседу вел Андрей УСТИНОВ

